

Мне требуется мгновение, чтобы осознать окружающее, но когда я начинаю восстанавливать контроль над своим дыханием, я понимаю, что лежу на столе в самой большой хижине в деревне посреди нигде в самом сердце Африки.

Услышав тихий храп позади себя, я перепрыгиваю через стол в обратном сальто, в то время как в воздухе я зацепляюсь пальцами ног за край стола, переворачивая его в воздух. В тот момент, когда я приземляюсь идеально на подушечки ног, мои руки взлетают и хватают стол, держа его так, чтобы его можно было использовать либо как щит, либо как биты.

Все в промежутке секунды.

Медленно опуская стол, я с удивлением смотрю на свое тело. Нет никаких видимых изменений, кроме того, что я почему-то выгляжу еще лучше, чем раньше, но в моем теле появилось совершенно новое ощущение. Как будто я могу чувствовать каждую его часть до мельчайших деталей, и имею полный контроль над всем телом. Мне кажется, что моя кожа всегда была слишком тугой, но теперь она превратилась в шелк ручной работы, специально созданный для моего тела доведенный до абсолютного совершенства.

Увидев, как храпит Штейн, который лежал на койке в углу, я вытягиваю руки над головой и с тоской смотрю на открытое пространство в другом конце большой хижины.

Не в силах сдержаться, я прыгаю вперед, приземляясь на руки. В моей форме нет ни малейшего колебания, ни малейшей неуравновешенности. Затем я медленно убираю одну руку, но это кажется совершенно естественным, как будто я все еще полностью в гармонии с каждым действием моего тела.

А потом я разминаю пальцы.

Я весил где-то около 470 фунтов (или 213 килограммов, как сказал бы остальной мир), и все же я просто стоял на кончиках пальцев, без какого-либо заметного усилия или малейшего подергивания или колебания в моей форме.

Я использую другую руку, чтобы снова выпрямиться, массивная улыбка прочно приклеилась к моему лицу.

Но прежде чем я попытаюсь овладеть таинственными путями тайных искусств, мне нужно было сделать кое-что еще.

Идя туда, где Штейн все еще блаженно похрапывает, я осторожно встряхиваю его, чтобы разбудить.

- Нет, мама, еще пять минут, пожалуйста ... "

Правильно, я решительно встряхиваю его, чтобы разбудить.

- Ах! Не подходи! Назад! Я знаю карате!" - Кричит Штейн в слепой панике, кружась и вскакивая с кровати с такой силой, что его ноги запутываются в тонкой простыне, и он падает плашмя на грязный пол.

Присев на край кровати, я просто с ухмылкой наблюдаю, как Штейн (со множеством довольно изобретательных проклятий) освобождается от цепких рук своей простыни, прежде чем он, наконец, видит меня, мои пылающие глаза, вены и сердцебиение делают меня легко различимым в почти полной темноте.

- Майкл? Слава Богу, ты наконец проснулся." Штейн взрывается усталым вздохом, подходит и садится рядом со мной, потирая рукой усталые глаза.

Явное облегчение в его тоне застает меня врасплох.

"Что заставляет тебя такое говорить? Ты выглядишь испуганным. Как долго я был в отключке?"

На мой вопрос Стернс вслепую хватается за что-то на прикроватном столике, прищурившись, подносит к лицу цифровые часы.

-Ну, около шестнадцати часов, плюс-минус полчаса."

Шестнадцать? Конечно, внутри вряд ли прошло шестнадцать часов, но, с другой стороны, время действительно текло по-другому на астральном плане.

- Что, черт возьми, случилось, Майкл? Ни одна из других сывороток не занимала так много времени, и я никогда раньше не видел тебя таким... неподвижным. Через шесть часов я поставил ребят рядом с тобой посменно, просто чтобы следить, дышишь ты или нет."

Я задаюсь вопросом, как я должен ответить заинтересованному ученому, прежде чем остановиться на полуправде, поскольку он, вероятно, не поверит мне, если я скажу ему всю правду.

- Честно говоря, Штейн, я либо прошел через самое большое кислотное путешествие в истории в сочетании с внетелесным опытом, который посрамил бы просветленного гуру, либо у меня просто был религиозный опыт."

Несколько мгновений Штейн просто смотрит на меня с бесстрастным выражением лица, потом закатывает глаза и качает головой.

- Только ты можешь принять психоделические реакции неизвестного светящегося растения за

религиозный опыт, Маккол. Только ты."

Встав с кровати, Штейн направляется в другой конец комнаты, где находится обычная кухонька, и начинает проделывать мистический процесс приготовления себе чашки кофе (поскольку я никогда в жизни не любил кофе, я не знаю, для чего нужна половина шагов, но в тот момент, когда я думаю, что мой новый мозг начинает кормить меня информацией о возможном использовании всех предметов, с которыми обращается Штейн).

- Итак, что дальше? - спрашивает ученый через плечо, и в ответ на его вопрос я складываю руки под подбородком и пытаюсь представить себе свою карту с временной шкалой MCU (что оказывается до смешного легко сделать с моей новой эйдетической памятью).

- Мы не можем здесь оставаться. Не только здесь, в этой деревне, но и в самой Африке. Ваканда скоро попытается расшириться, и весь этот континент может оказаться рассадником шпионской деятельности. А белый 8-футовый Бегемот и его еще более белый, буквально яйцеголовый друг будут заметны, как пара воспаленных больших пальцев на ноге." - Говорю я с кривой улыбкой на лице, вызвав смешок у Штейна.

- Честно говоря, было бы довольно трудно найти демографическую группу, в которой мы не выделялись бы."

Я смеюсь над его шуткой, но в глубине души вспоминаю загробную жизнь, деревню, построенную для нелюдей матерью Дейзи Джонсон. Мы могли бы поместиться прямо там.

-Так куда же нам бежать, о бесстрашный вождь?"

Я едва сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть от непреднамеренной иронии в вопросе Штейна, прежде чем пересмотреть свою 12-ступенчатую программу. Сейчас ноябрь, а это значит, что до нападения Локи на Землю осталось примерно пять месяцев.

Я достиг своей главной цели, по крайней мере, сумев выжить в непосредственной близости от битвы Мстителей, и у меня есть в руках один из самых универсальных материалов на планете и, вероятно, во Вселенной.

Ну и что теперь?

По мере того, как я продолжаю смотреть на все имена и события в моей временной шкале, начинает формироваться план. Да, некоторые из этих событий еще не произошли много лет назад, но люди, вовлеченные в них, живы сейчас.

Живой... и полезный.

- Америка. Мы едем в Америку, желательно в Нью-Йорк или куда-нибудь поблизости. А потом

мы начнем заводить друзей."

Когда за его спиной закипает чайник, Штейн хмурит брови.

- Друзья? Какие друзья?"

Глядя на ученого с озорной ухмылкой, я не могу не усмехнуться.

- Скажи мне кое-что, Док. Имя Ноа Бернстейн тебе что-нибудь говорит?"

<http://tl.rulate.ru/book/49515/1253202>